

ХРОНОЛОГИЯ НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Рецензия на книгу: **Формозов А.Н. Дневники охотника-натуралиста // Охотничьи просторы. Книга 3 (57). 2008. С. 162-194.**

© 2010 В.А. Вехник

Жигулевский государственный природный заповедник им. И.И. Спрыгина
пос. Бахилова Поляна (Россия)

Поступила 21 июня 2009 г.

Краткие биографии биологов, публикуемые в научных журналах, посвящены преимущественно их видным научным достижениям, статьям, продвижению по карьерной лестнице, преподавательской деятельности. Между сведениями о месте и времени рождения и о поступлении в университет, институт или аспирантуру редко можно встретить несколько кратких фраз о коллекциях насекомых или бесчисленных домашних питомцах. Между тем, жизненный путь ученого обычно не выходит за рамки привычной схемы университет – аспирантура – работа в научно-исследовательском институте или на кафедре университета, в то время как сознательное решение поступить на конкретный факультет всегда определяется не только убеждениями и желаниями будущего исследователя, но и местностью, в которой он жил, взглядами родителей, прочитанными книгами, влиянием друзей, школьных учителей, случайными встречами с животными, и в каждом случае это абсолютно разные трогательные истории. Одним из примеров, достоверно и ярко отражающих формирование личности выдающегося зоолога, эколога и художника-анималиста, служит публикация дневников Александра Николаевича Формозова, написанных им в 15-16-летнем возрасте.

Дневники отражают регулярные наблюдения за природой Поволжья в 1914-1915 годах. Отдельные дневниковые записи представляют собой и краткое перечисление встреченных видов («28 декабря. Сады. Видел двух тетеревиных, сорок, полевых воробьев, обыкновенную синицу и лазоревку», с. 177), и подробные отчеты о наблюдениях («Видел лазоревок (2), 2 чечеток, стайку снегирей 5 ос., ...», с. 175), но чаще всего это смесь фенологических, фаунистических, этологических и метеорологических наблюдений. Для подростка, лишенного доступа к научной литературе, ценны все многочисленные детали окружающего мира, это путь самостоятельного, часто интуитивного познания природы в целом.

В опубликованных дневниках от пунктуальных записей неотделимы многочисленные рисунки, достоверно отражающие наблюдения и контрастирующие по образности и выразительности наблюдения с лаконичным «протокольным» текстом. Многие из рисунков выполнены с натуры; другие, отличающиеся более тщательной прорисовкой, созданы по памяти. Автор изображает и известные ему виды растений и животных, и те, которые еще предстоит узнать, и тогда рисунки служат своего рода коллекционным материалом, нуждающимся в определении.

Интересна манера исполнения быстрых набросков: практически все они созданы в технике «пятном» и отражают приблизительный силуэт животного, в то время как наиболее распространенная техника – это контурный набросок, обычно именно с него начинают работу художники-анималисты и ученики ху-

дожественных школ. Выбранная техника более ценна именно с точки зрения зоолога, так как в большинстве случаев приходится наблюдать за животными с большого расстояния, и исследователю виден только абрис животного.

Проницательный взгляд зоолога усиливает художественную ценность рисунков: автор одинаково легко изображает животных и в динамике (буроголовые гаички, с. 176), и в спокойном состоянии (ворона и сорока, с. 177), и даже погибших особей (рисунок дятла, с. 171). Чаще всего животные представлены в характерных позах, и иногда вид угадывается по специфичным движениям и жестам (ястреб-перепелятник, с. 186, вальдшнеп, с. 193). Это редкий дар даже среди профессиональных художников.

Наиболее частый объект наблюдений Александра Формозова – птицы: сойки, снегири, поползни, дятлы, синицы, галки, вороны, овсянки, пищухи и многие другие. Поражает количество видов, известных будущему орнитологу, не имеющему профессионального наставника. Он различает полевых и домашних воробьев; лазоревок, обыкновенных и длиннохвостых синиц; ястребов тетеревятника и перепелятника. В большинстве случаев автор фиксирует число встреченных птиц, пересчитывая количество особей в стаях до 100 птиц. Встречаются записи о найденных кладках и следах. Подавляющее большинство рисунков изображает именно птиц. Среди них можно выделить блестящие рисунки летящих ворон (с. 173), стаи свиристелей (с. 182), сцену охоты трясогузки (с. 187) и зарисовки полета чайки (с. 190).

Наблюдения за млекопитающими также встречаются в дневниковых записях. Естественно, основной достоверный источник сведений о них – следы. Упоминания о следах обычно кратки, зато в дневниках встречаются подробные рисунки, причем некоторые отражают ход зверя на разных аллюрах: спокойно и «гонного» русака, разные следы «заволжского» хоря. Следы автор не только прекрасно знает, но и «читает», уверенно отождествляя их с действительными событиями: «По речке следы горностаев, ласок и мышей. Один горностаев натолкнулся на нору водяной крысы, пошел по ее следу, догнал и загрыз» (с. 180).

Встречи с самими животными редки, в тексте упоминаются полевки, зайцы, хомяк, белки. Начинаящий зоолог приводит подробные описания с рисунками гнезд полевки, орешниковой сони, белок. Из дневников очевидно, что уже в

столь раннем возрасте Александр Формозов не ограничивался постоянными наблюдениями в природе, он целенаправленно изучал фауну своего края: в тексте приводятся данные о попавшихся в давилки мелких млекопитающих.

зоровой шапочки). Полоска вдоль щеки очень широкая, ... Крик такой же, как у обыкновенной» (с. 176).

Научное любопытство будущего ученого касается практически всех групп животных. В дневниках упоминаются рыбы, ящерицы. В нескольких записях автор перечисляет встреченных насекомых: «На проталинах появились мелкие жучки, пауки и бабочки крапивницы с крушинницами» (с. 187). Большое внимание Александр Формозов уделяет и растениям. Из дневников видно, что он достаточно хорошо разбирался в местных видах: «Появились бутоны мать-и-мачехи и медуницы; зацвели мужские соцветия орешника» (с. 187). Однако растения интересуют автора, прежде всего, как корма для животных: «После сильного ветра снег усыпан крылатками клена, ясеня, березы и липы» (с. 177). На одном из рисунков изображены семена различных деревьев (с. 178). При наблюдении питания того или иного вида Александр Формозов всегда указывает вид растения: «следы куропаток (ели лебеду)» (с. 177), «стаю свиристелей ... (ели калину)» (с. 178). За растениями автор ведет фенологические наблюдения, связывая их с погодой и жизнью животных. Многие дневниковые записи сопровождаются краткими сведениями о погодных условиях («оттепель +1° и ЮЗ ветер со снегом», с. 179). Автор проводит деление весны на два периода по метеорологическим и фенологическим критериям. В то же время, кажется странным, что натуралист никогда не фиксирует время наблюдений, хотя значение сведений о суточной активности животных очевидно для зоолога.

Часто в дневниках отражены черты экологии животных: «Следов мышей немного сравнительно с прошлым (1913 г.)» (с. 171), «Стая пуночек около 150 ос. в поле на меже» (с. 173). Во множестве дневниковых записей встречаются сведения о питании животных: «Воробьи едят лебеду» (с. 173), «Снегири едят почки» (с. 174). При каждой встрече с животным Александр Формозов подробно описывает его поведение: «В Александровском саду наблюдал за грачами. У них происходят большие драки из-за гнезд и материала для них. Грачи таскают сучья для гнезд у других грачей» (с. 188).

Дневник Александра Формозова – это не только хронология натуралистических наблюдений. Уже в поле автор пытается уловить взаимосвязи между разными слагаемыми окружающей природы. Ярче всего это отражает рисунок полета гусей на с. 191, где начинающий художник пытается найти связь между направлением ветра и характером полета стаи.

Судя по структуре дневниковых заметок, автор еще не разделяет свои наблюдения по областям знания и не планирует направления будущих исследований. Грамотные фенологические сведения и фаунистические находки соседствуют иногда с ненужными, на первый взгляд, описаниями: «Поймал окуня и нес его домой в кармане на протяжении около 4 верст, шел с 1 час и, когда пришел домой, окунь был жив и плавал в ведерке с водой» (с. 174). Но, возможно, именно это любопытство и старательность в ведении подробных дневников помогли формированию комплексного научного мышления блестящего ученого.

На страницах дневников видно, как постоянная практика и наблюдения способствуют совершенствованию мастерства художника, замещая потребность в художественном образовании. И если становление исследователя невозможно без общения с научным сообществом и знания новейших публикаций, то мастерство 15-летнего анималиста уже очевидно. Цепкому глазу натуралиста с легкостью даются и законы перспективы, и игра светотени, и структура композиции, когда он как можно более достоверно передает облик животного. В дневниках мы видим очень грамотные, точные и живые рисунки чечеток (с. 175), белой лазоревки (с. 183), стаи чаек (с. 190). Благодаря множеству талантливых рисунков, восполняющих лаконичность текста, дневники воспринимаются не только как протокол наблюдений, но в большей степени как художественное произведение, передающее напряжение автора от азарта ожидания увидеть новых животных и узнать подробности их жизни в природе.

Дневники Александра Формозова можно рассматривать с абсолютно разных точек зрения. Систематические наблюдения и подробные записи, документально подтвержденные рисунками с натуры, для современных специалистов выступают ресурсом сведений о состоянии фауны Нижегородского края почти сто лет назад. Здесь множество достоверных данных для фенологов, источник фактов для экологов, а также собрание рисунков сложившегося анималиста, пособие для следопытов и путеводитель для юных любителей природы. Все это говорит и о личности самого автора – страстно увлеченного талантливого молодого натуралиста и художника, уникальная наблюдательность которого диктовала весь образ жизни гимназиста Александра Формозова.

Это только начало, истоки. Краткие, преимущественно фаунистические и фенологические заметки пройдут такой же долгий путь до будущих выдающихся научных трудов лидера советской экологии Александра Николаевича Формозова, как и попутные упоминания о погоде до лирических картин природы Формозова-писателя: «А дальше, над красноватой и рыжей чащей кустарников, сосны, взявшись за руки, убежали вереницей к далекой синей ленте лесов. Синетуманная, мгlistая лента... Она осталась все такой же заманчивой, полной загадок; она звала вернуться!» (А.Н. Формозов. Среди природы. М., 1985, с. 91).

Публикации дневников будут продолжены в выпусках альманаха «Охотничьи просторы» № 1 и № 2 за 2009 год.